Памяти Михаила Сергеевича Лопухина

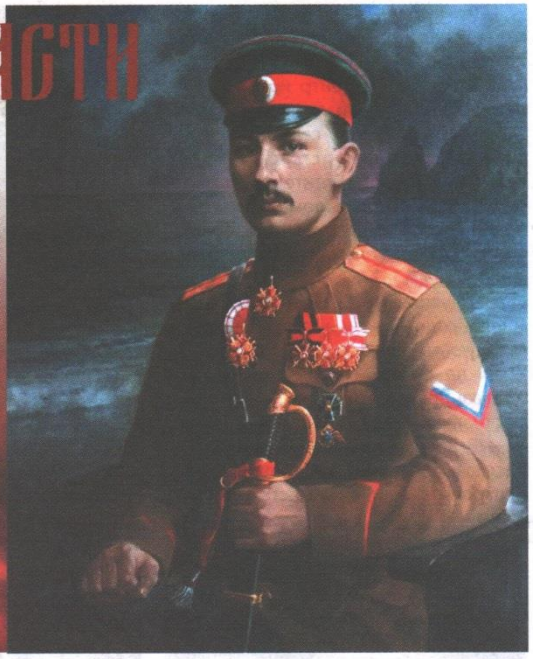
Журнал «Русский Дом» № 8 за 2018 г.

Журнал "Русский дом" №8 за 2018 год.

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Как пытались спасти царскую семью

Александр Трубецкой. Свидетельство участника



После ускоренных офицерских курсов и Николаевского кавалерийского училища Александр Евгеньевич ТРУБЕЦКОЙ с 1915 г. служил офицером Лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка.

В конце 1917 г. он вступил в одну из офицерских организаций против большевиков. В начале 1918 г. участвовал в попытке спасения царской семьи. В 1930-х годах Александр Евгеньевич рассказал об этой экспедиции в журнале «Часовой», который издавался в эмиграции во Франции.

Было, как известно, несколько планов и попыток спасти государя императора Николая II с семьёй из рук большевиков.

В одной из таких попыток мне пришлось участвовать не в роли инициатора или организатора, а в скромной роли рядового исполнителя. Обстоятельства, равно как и несовершенство плана, не позволили привести его в исполнение. Важен самый факт, что план такой был, что он начал приводиться в исполнение, что на него откликнулись многие, как из военных, так и из штатских, что нашлись люди, готовые на всё, чтобы спасти своего государя и согласно присяге послужить царю и родине.

Не их вина, что их надеждам не суждено было исполниться.

Даже когда выяснилась неосуществимость плана и дело пришлось оставить, все мы были связаны тайной, малейшая неосторожность в слове могла не только повредить нам самим, но и стоить жизни царской семье, во всяком случае, ухудшить условия её заключения и затруднить другие попытки её спасения. После же гибели царской семьи тайна должна была быть сохранена ради нашей собственной безопасности. Даже теперь, спустя 14 лет, о многом нельзя ещё писать, нельзя называть многих лиц, участвовавших в этом деле или имевших отношение к нему, так как одни находятся в пределах СССР, другие имеют там родственников. В то же время многое начинает изглаживаться из памяти: забываются главным образом даты, места, в которых приходилось побывать тем или иным участникам, роль и работа каждого, последовательность действий.

Многие, как из участвовавших, так и из слышавших о нашей попытке, не раз убеждали меня написать, пока не поздно, воспоминания о нашей поездке в Сибирь.

Я не первый пишу об этом. В «Архиве русской революции» (т. XVII, с. 280-292) есть статья К. Соколова – «Попытка освобождения царской семьи». Из неё узнаём, что в декабре 1917-го – феврале 1918-го ротмистр Соколов с двумя офицерами был командирован в Тобольск для разведки, подготовки освобождения и вывоза царской семьи. Он описывает главным образом свою работу. Я же принадлежал к другой группе, и действовать приходилось в других местах.

Итак, в конце сентября 1917 года на фронте мои подчинённые выразили мне доверие, и я, покинув свой родной Лейб-гвардии Конно-Гренадерский полк, поехал в Москву. Там меня застало выступление большевиков, и я участвовал в городских боях с ними.

Тогда в Москве стали формироваться и конспиративные офицерские организации для борьбы с большевиками. Была довольно развитая, насчитывающая много членов организация Бориса Савинкова, в которую входили офицеры всевозможных политических оттенков, не исключая и монархистов, не всегда знавших, кто их возглавляет. Была и организация чисто монархическая: впоследствии она вошла в связь с Добровольческой армией на юге России. Меня туда привлёк мой большой друг ротмистр Сумского полка М. Лопухин, расстрелянный большевиками летом 1918 года. Хотя по личному доверию ко мне он назвал имена некоторых лиц (генералов), возглавлявших организацию, но по условиям конспирации я был подчинён непосредственно лишь Лопухину. От него я получил задачу завербовать группу офицеров-монархистов, заслуживающих полного доверия, и быть начальником этой группы. Впоследствии – уже после описываемой поездки в Сибирь – организация стала делиться на десятки, пять десятков сводились в отряд, и каждый рядовой член организации знал лишь свой десяток и начальника своего отряда. Я командо-

Михаил Сергеевич Лопухин
1829–1918

вал десятком. Но в описываемый период организация ещё не оформилась в правильные единицы. В моей группе было около 10 человек. Работы не было никакой, но мы держали связь и готовы были выступить при первой же возможности по приказанию начальника.

В начале января 1918-го ко мне пришёл Лопухин и объявил, что существует план вывоза из Тобольска государя, наследника и всей царской семьи. Государь дал своё согласие на вывоз семьи, во всяком случае, отрекается от престола, но не хочет покидать пределы России и не желает расстаться с наследником. Оба они должны быть скрыты в самой России, а государыня и великие княжны будут вывезены за границу, в Японию.

Инициатива этого плана исходила не от военной организации, в которую мы входили. Инициатором был присяжный поверенный Полянский. Он будто бы заручился поддержкой видных государственных деятелей и французского посла, также обещавшего поддержку – как моральную, так и материальную.

План же действия был таков. Отряду гардемаринов, состоящему в организации, предстояло прибыть в Тобольск с подложными бумагами якобы на смену караулу при царской семье. Если караул откажется смениться, гардемаринам следует применить силу. Затем государыню и великих княжон увозят на восток, в Японию, а государя и наследника на лошадях доставляют в Троицк, в область Оренбургского Казачьего войска. Они едут туда инкогнито: государь – бритый, в качестве французского гувернёра при мальчике из богатой семьи.

Троицк, согласно этому плану, считался верным местом. Оренбургское Казачье войско большевиков якобы никогда не признает и не пустит – настроено оно монархически. Но при государе и наследнике всё же должна состоять негласная охрана из верных офицеров в числе 10-12 человек. Роль этой охраны поручалась Лопухину, а он предложил уже мне выбрать из моей группы 5 человек (другие пять выбирались из другой группы). Ввиду того, что план спасения царской семьи исходил не от нашей военной организации, участие каждого из нас не считалось обязательным. О плане нам сообщили лишь в самых общих чертах, и каждый должен был решить по совести – верит он в это дело или нет, а также считает ли себя на него способным.

Надо сказать, что ответственность в таком решении была огромна. С одной стороны, естественно сомнение: не является ли весь этот план провокацией, легкомысленной авантюрой, которая без всякой пользы для дела может стоить жизни не только каждому из нас, но и тем, кого предстояло спасти, уберечь. С другой стороны, понятно, что каждый из нас, рядовых участников, только и мог принять на веру слова своих непосредственных начальников, понимая важность конспирации.

Выезжать нам предстояло через три дня, 10 января, и я тотчас же приступил к вербовке офицеров из своей группы. Говорил с каждым совершенно откровенно, предупредил как об ответственности решения, так и о личной опасности, которая могла грозить. И вот группа в сборе – вместе со мной шесть человек. Для большей осторожности ехать решено было в разные дни и разными маршрутами. Четверо со мной выезжали 10 января, а двое – 11-го. Наш маршрут – через Вятку, Пермь, Екатеринбург, Челябинск. А Лопухин с группой ехали через Уфу и Оренбург. Он снабдил нас чистыми отпускными удостоверениями с печатями от двух воинских частей – осталось только вписать имена, фамилии и вымышленные подписи командира да адъютанта части. Чины большевиками были отменены, но на удостоверениях в ходу были звания – «бывший поручик», «бывший капитан» и т. д. Офицерские чины тогда скрывать ещё не приходилось, да и трудно было бы их скрывать – внешний вид ещё резко отделял нас от «товарищей».

Царская семья в Тобольске

Отправление состоялось 10 января с Ярославского вокзала. Классных вагонов не было. Мы забрались в теплушку и поехали безплатно. Помню, нам удалось занять места на верхних нарах – там и теплей, и лежать можно было. К отходу поезда набрался полный вагон солдат и мужиков, так что внизу была страшная давка.

Понятно, к нам нарастало недружелюбное отношение: «Буржуи эти как наверху устроились. Вторую ночь дрыхнут, а нам не то чтоб вытянуться, а и сидеть тесно», «Тащи их за ноги оттуда». Один уже было схватился за сапог кого-то из нас, и дело могло обернуться нехорошо, но выручил случай. Кто-то вступился за нас: «Брось, землю мы у них отобрали, так уж пусть дрыхнут…» – «А может, у этих и земли никакой не было?» – уже неуверенно откликнулся зачинщик и, потеряв задор, успокоился. Мы были спасены. К нашему привилегированному положению привыкли, а на третью и следующие ночи места уже были крепко за нами – по праву давности. Вошли мы и в общую жизнь теплушки: несли дежурства по погрузке дров, топке. Справки у железнодорожников о времени стоянки и о надежде на получение паровоза тоже лежали на нас. От Москвы до Екатеринбурга мы ехали не то пять, не то шесть дней, от Екатеринбурга до Челябинска – ещё день и ночь. На железных дорогах царствовал неимоверный безпорядок. Поезда, идущие на восток, были забиты. Не хватало ни исправных паровозов, ни железнодорожного персонала. На иных станциях в ожидании паровоза приходилось стоять часами.

И вот рано утром, кажется, 17 января мы прибыли в Челябинск. Отсюда было недалеко до Троицка – места нашего назначения, и мы рассчитывали, что там уже не будет большевиков. Но на вокзале из случайного разговора узнали, что и Троицк ещё в день Рождества взят большевиками. Казаки перепились, местные же большевики этим воспользовались, обезоружили их и захватили власть.

Такое вот было то верное место, где хотели укрыть государя и наследника. Ясно, что весь план рухнул. В то время непосредственной опасности для жизни царской семьи ещё не было, но такая легкомысленная попытка её спасения повела бы к верной её гибели. Предстояло остановить исполнение

плана. В то же время основываться на одном случайном разговоре, хотя и весьма правдоподобном, мы не могли. Подумав, решили ехать до станции Полетаево, от которой отходила ветка на Троицк. По прибытии туда у нас уже не могло оставаться никакого сомнения по поводу большевиков: всюду царила советская власть, а о казаках Дутова и не слышно было. Пришлось дать в Москву телеграмму: «Цены изменились, сделка состояться не может».

Нам было известно, что в Троицк ещё задолго до нас поехали два квартирьера, чтобы всё наладить к нашему приезду и к приезду государя и наследника. Надо было выйти с ними на связь, сообщить о нашем прибытии, но никто из нас не знал квартирьеров в лицо. Кроме того, требовалось встретить офицеров – сумских гусар. Они ехали группами по три человека и в Полетаеве должны были пересаживаться.

Просидев на вокзале целый день, вечером я вышел к поезду и увидел трёх офицеров в одинаковых защитных полушубках кавалерийского образца. Сразу решил – они. Подхожу и спрашиваю: «Простите, вы не с Лопухиным?» «А вы не князь Трубецкой?» – последовал ответ. Один из вновь прибывших сменил меня на станции для встречи членов своей группы, а мы поехали в Челябинск, где и разместились по гостиницам. Хорошо, что ЧК в то время была только в зачатке и не обладала ещё всеведением и всевидением. На нас никто не обращал внимания. Наши дежурства на вокзале проходили совершенно незамеченными, да и некому было за этим смотреть.

Не помню, через день или через два все собрались в Челябинске, и мы принялись вырабатывать дальнейший план действия. Если старый план провалился, то это ещё не значило, что от спасения царской семьи следовало совсем отказаться. После некоторых раздумий и прикидок решено было снять квартиры в разных городах Сибири и северной России, где временно, конечно инкогнито, могли быть скрыты государь и наследник. Мы надеялись, что впоследствии всё же удастся уговорить государя выехать за границу или, как думал Лопухин, скрыть его в сибирских старообрядческих скитах.

Но пока что нужно было отыскать членов нашей организации, находившихся в Тюмени и Тобольске. В Тобольске были три офицера Сумского гусарского полка вместе с ротмистром Соколовым, а в Тюмень, незадолго до нашего отъезда из Москвы, выехал В.С. Трубецкой, но он скрывался под вымышленной фамилией – Чистов. С ним для поручений и доставки донесений следовал 16-летний вольноопределяющийся Н.Г. Лермонтов. В задачу Чистова входила встреча государя и царской семьи после её освобождения. Затем он должен был снабдить паспортами и сопровождать до Троицка государя и наследника.

Квартиру в Перми мы нашли без труда, и меня вызвали в Тюмень. Там собралось немало наших. Лермонтова, правда, я уже не застал – он уехал в Москву с донесениями от Чистова и Лопатина. И вот было решено одного из нас направить в Ялуторовск для снятия квартиры в том местечке. Безопаснее всего было бы везти царскую семью в направлении на Ялуторовск, пустив для отвода глаз несколько троек по направлению к Тюмени. От Ялуторовска на лошадях предполагалось ехать в Курган, так как поиски в первую очередь начали бы вести по северной ветке Сибирского пути. Вот эти конные тракты нам и нужно было исследовать.

С весьма интересными рассказами вернулся из Тобольска Чистов. Он отыскал Соколова с его товарищами, которые уже долго жили в Тобольске и многое знали как об условиях жизни царской семьи, так и об их карауле. Они считали, что внезапное нападение на караул могло иметь все шансы на успех. Чистов ходил к дому, где жила царская семья, через забор видел наследника, великих княжон, катавшихся с ледяной горки. Перед отъездом он решил ещё раз встретиться с Соколовым, но на квартире у него застал караул: офицеры были арестованы, и караул задерживал всех приходивших к ним. Чистова допросили, по какой причине он явился, но он сразу нашёлся, что ответить. Из Тобольска в Тюмень регулярных рейсов не было, одному же нанимать ямских лошадей было дорого – вот ехавшие обычно и подбирали попутчиков. Чистов и сослался на эту легенду. Ему, в свою очередь, придумали историю о его предполагаемых попутчиках: они якобы ограбили женский монастырь, а потому и арестованы. Так что всё обошлось. Чистова благополучно отпустили, и вскоре он тоже уехал с донесением Лопатина и личным докладом в Москву.

В то время в Тобольске городом правил Совет рабочих и солдатских депутатов, а охрана при царской семье была прежняя, назначенная Временным правительством. Когда на смену им прибыла новая охрана, в городе шла борьба между старой и новой властью. Этой анархией арестованные воспользовались, им удалось привлечь на свою сторону большевицкие элементы, и во второй половине февраля они были освобождены и благополучно вернулись в Москву.

Не имело смысла оставаться в Тюмени и нам. Так что в ожидании приказаний из Москвы мы переехали в Екатеринбург.

За время нашей поездки в гостиницах, а иногда и на вокзалах мы неоднократно подвергались обыскам. Красногвардейские патрули искали и отбирали у проезжих оружие, но обыски те велись крайне примитивно. В Челябинске, например, мы сидели в буфете по ту и другую сторону длинного стола, а чемоданы лежали под столом, у наших ног. Пока патруль производил осмотр с одной стороны, ногами мы передвигали чемоданы на другую сторону, затем ту же операцию проделывали обратно. Изобрели мы и новый способ хранения оружия. Во всей Сибири тогда было изобилие хлеба, продавали его огромными караваями. Вот мы и решили хранить револьверы в хлебе. В корке, обыкновенно снизу, делался вырез, мякоть вынималась из середины и туда прятался револьвер, а вырезанная корка прилаживалась на место. Этот способ давал блестящие результаты. Нас не раз обыскивали по ночам, но никому не приходило в голову трогать хлеб.

В середине февраля из Москвы пришла телеграмма, отзывающая нас обратно. При сложившейся обстановке и тех средствах, которыми располагала организация, задача освобождения царской семьи оказалась неосуществимой, и миссия наша считалась оконченной. Мы тронулись в обратный путь. Так безрезультатно окончилось задуманное предприятие.

Да, безплодна была та поездка, но не наша тому вина. При основательной и правильной постановке дела – я и сейчас в этом уверен – спасение царской семьи было бы вполне осуществимым. Освобождение её и вывоз из Тобольска представляли не самую трудную часть задачи. Главная трудность заключалась в том, как скрыть и сохранить спасённых. Для этого нужна была, конечно, более солидная организация, большая подготовительная работа, хорошая осведомлённость, а главное, как правильно указывал в своей статье ротмистр К. Соколов, деньги, деньги и деньги. В рядовых исполнителях задачи недостатка не было.

Увы, результатов мы не достигли. И всё-таки у всех осталось хорошее воспоминание о пережитом подъёме духа и сознание того, что мы на деле проявили готовность послужить своему государю и остались верными данной ему присяге.

487. Михаил Сергеевич (679 — VI).

(номер перед именем соответствует номеру в родословии из книги 2021 г., где приведено

подробное его жизнеописание, в скобках указаны ссылки на источники).

Ротмистр.

Родился 18.09.1889, расстрелян в августе 1918 г. в г. Москве.

Выпускник юридического факультета Императорского Московского университета.

Участник Первой мировой войны (245).

Поступил в 1-й гусарский Сумский полк рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда (здесь и далее **68**).

26.12.1914 за отличия в делах против неприятеля произведён в прапорщики.

В апреле 1915 г. ранен.

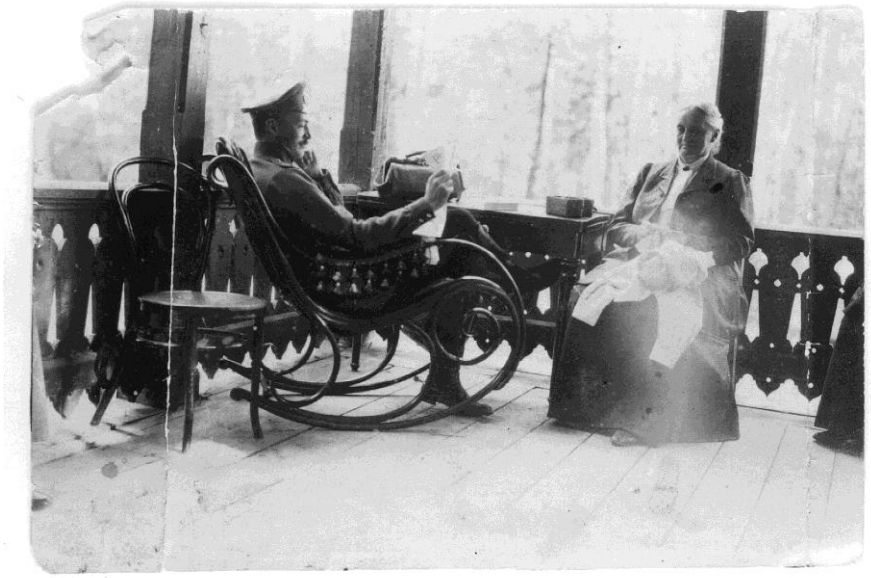
05.02.1916 пожалован орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

11.05.1916 за отличия произведён в поручики.

13.05.1916 отмечен орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом.

02.06.1916 награждён орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

С 30.10.1916 штабс-ротмистр.



На фото: Михаил Сергеевич Лопухин с матерью.

03.01.1917 за отличия в делах против неприятеля пожалован орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами.

17.01.1917 в чине штабс-ротмистра назначен начальником отряда особого назначения 1-й кавалерийской дивизии.

05.08.1917 Временным правительством произведён в ротмистры.

27.09.1917 награждён Золотым Георгиевским оружием за то, что, «будучи в прикомандировании к 1-му уланскому Петроградскому полку, произвёл 5 марта 1917 г. беззаветно смелый поиск для захвата контрольных пленных в районе деревни Глиновка; во главе 5 разведчиков быстро перебежал по льду реку Двину, лично прорезал проволочные заграждения, проник на 300 шагов в тыл неприятельского расположения, бросился на немецкий пост и захватил 2-х германских солдат; отходя последним, отстреливался от наседавших немцев, чем много способствовал отходу наших разведчиков и вернулся в свой окоп без потерь, с захваченными пленными».

По другим данным, 27.09.1917 приказом Временного правительства по армии и флоту награждён орденом Святого великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени (**291; 464**).

После октябрьского переворота 1917 г. принимал деятельное участие в «Союзе защиты Родины и свободы».

Зимой 1918 г. в составе группы офицеров предпринял попытку вызволить из большевистского плена Императорскую Семью. Попытка не удалась, и Михаил Сергеевич вернулся в Москву. Об этом событии подробно рассказывает в своих воспоминаниях князь А.Е. Трубецкой: **«Увы, результатов мы не достигли. И всё-таки у всех осталось хорошее воспоминание о пережитом подъёме духа и сознание того, что мы на деле проявили готовность послужить своему Государю и остались верными данной Ему присяге» (641).**

Летом 1918 г. он был арестован и **в связи с отказом дать честное слово офицера прекратить борьбу с большевиками** без суда расстрелян по решению ВЧК у стены Братского кладбища близ села Всехсвятского (ныне микрорайон Сокол г. Москвы) (86; 167; 292; 329; 641).

05.09.1992 у предполагаемого места расстрела (недалеко от храма Всех Святых, что у станции метро «Сокол») был установлен символический памятник с надписью: «Лопухин М., Белявский В. Всем офицерам Союза защиты Родины и Свободы, казнённым в 1918 г. на Братском кладбище».

О нём см. в книге Б.П. Краевского «Лопухины в истории Отечества» главу «Жизнь за Царя» - стр. 466-478 и в разделе «Строки из трудов» - стр. 803-808.